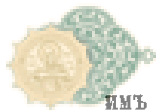

ми до смерти? Итакъ, что новаго, если тѣ, которые были людьми, безчестятся или людскими неудачами, или людскими преступленіями, или людскими баснями. Неужели вы не вѣрите поэтамъ и тогда, когда на основаніи ихъ разсказовъ даже какия нибудь священнодѣйствія устанавливаете? Почему жрецъ Цереры похищается, если Церера не терѣла этого? Почему Сатурну приносятся въ жертву чужія дѣти, если онъ щадилъ своихъ? Почему обрѣзывается мужчина Идеи, если никакой горделивый юноша не былъ для нея оскорбленъ при скорби о напрасной страсти? Почему лапувинскія женщины не отвѣдываютъ угощеній Геркулесовыхъ, если не предшествовала тому вина женщинъ? Поэты дѣйствительно лгутъ, но не въ томъ, что ваши боги, когда были людьми, дѣлали то, что они разсказали, и не въ томъ, что мерзости боговъ вашихъ приписали къ божественнымъ, тогда какъ вамъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что это были не такие боги, какими они представляютъ ихъ, но въ томъ, что представляютъ ихъ богами, тогда какъ они не боги.

8. Остается послѣдній, родовой родъ боговъ, принадлежащихъ народамъ. Объ этихъ богахъ, взятыхъ по произволу, а не по знанію истины, имѣются частныя свѣдѣнія. Я думаю, что Богъ вездѣ извѣстенъ, вездѣ присутствуетъ, вездѣ господствуетъ, всѣ должны почитать Его, всѣ должны заслуживать Его милости. Но если и тѣ, которыхъ сообща весь миръ чтятъ, не имѣютъ доказательствъ истинной божественности, то тѣмъ болѣе— тѣ, которыхъ не знаютъ даже свои муниципіи. Ибо какой достойный авторитетъ предшествовалъ такому богословію, которое покинула даже молва? Сколько такихъ, которые видѣли или слышали объ Атаргатѣ египтянъ, о Целестѣ африканцевъ, о Вараутіи мавровъ, объ Ободѣ и Дузарѣ арабовъ, о Беленѣ нориковъ, или о тѣхъ, о которыхъ говоритъ Варронъ: о Дельвентинѣ казаніенскомъ, о Визидіанѣ нарніенскомъ, о Нумитерѣ атиненскомъ, объ Анхаріи аскуланскомъ, достоинство именъ которыхъ ничѣмъ не разнится отъ человѣческихъ прозваній? Я достаточно сѣжусь изъ богами, декуріонами всякой муниципіи, честь которыхъ ограничивается своими стѣнами. До какого великаго успѣха дошла эта свобода усыновленія боговъ, это показываютъ сусвѣрія египтянъ, которые

почитають даже частныхъ животныхъ, конекъ, крокодиловъ и своего Ануба. Мало имъ того, что они обоготворили человѣка. Я говорю о томъ, котораго почитаетъ ужъ не Египетъ только или Греція, но весь міръ, которымъ клянутся африканцы, и о которомъ вѣрныя свѣдѣнія можно найти въ нашихъ книгахъ. Ибо тотъ Сераписъ, который нѣкогда назывался Іосифомъ, происходилъ изъ священнаго народа. Онъ, юнѣйшій между братьями, но пресошедшій ихъ умомъ, былъ проданъ въ Египетъ своими братьями по зависти и тамъ служилъ въ домѣ царя египетскаго, фараона. Безстыдная царица пожелала его; но такъ какъ онъ не повиновался ей, то она сдѣлала на него доносъ царю, и царь заключилъ его въ темницу. Здѣсь, истолковавъ нѣкоторымъ вѣрно сны, онъ этимъ обнаружилъ силу своего духа. Между тѣмъ и царь увидѣлъ какіе-то страшные сны. Такъ какъ тѣ, которыхъ призвалъ царь, отказывались объяснить ему сны его, то Іосифъ получилъ возможность объяснить ихъ. Онъ былъ освобожденъ изъ темницы и какъ истолковалъ царю сны его: семь коровъ тучныхъ означаютъ семь лѣтъ плодородія, а семь коровъ тонкихъ семь лѣтъ неурожая. Поэтому совѣтовалъ царю запастись средствами на будущій голодъ изъ предшествующаго обильнаго урожая. Царь повѣрилъ ему. Событія показали и его умъ, и его святость, и его заботу. Фараонъ сдѣлалъ его начальникомъ надъ всѣмъ Египтомъ и повелѣлъ ему позаботиться о приобрѣтеніи хлѣба и храненіи его. Сераписомъ назвали его за украшеніе, которымъ была украшена его голова. Это украшеніе, имѣя форму модія, напоминало этимъ раздачу хлѣба. Колосья, находящіеся вокругъ головы, показываютъ, что на ней лежали заботы о хлѣбѣ. И собаку, которая находится при входѣ въ адъ, помѣстили подъ правой рукою его, потому что его рукою были спасены египтяне. Къ нему присоединяютъ и Фарію, этимологія имени которой указываетъ на то, что это была дочь фараона. Фараонъ среди другихъ почестей и наградъ помѣстилъ и ту, что отдалъ ему въ супружество свою дочь. Но такъ какъ они рѣшили почитать и звѣрей и людей, то образъ тѣхъ и другихъ соединили въ одномъ Ануфѣ, чтобы лучше можно было видѣть, что черты своей природы и своего нрава обоготворилъ народъ сварливый, не повинующійся сво-

имъ царямъ, презрѣнный среди чужихъ, дѣйствительно самая собачья глотка и самая рабская мерзость.

9. Эти три рода богословія, сдѣлавшіеся или болѣе извѣстными или болѣе замѣчательными послѣ того, какъ Варронъ раздѣлилъ боговъ вышеупомянутымъ образомъ, мы разсмотрѣли, такъ что нашъ отвѣтъ на физическій, мионическій и родовоіи родъ боговъ можетъ считаться достаточнымъ. А такъ какъ теперь всякое назначеніе боговъ принадлежитъ уже и не философамъ, и не поэтамъ, и не народамъ, а владыкамъ римлянамъ, которымъ тѣ передали его, которыми оно получено отъ нихъ и отъ которыхъ оно приобрѣло себѣ авторитетъ, то намъ должно теперь вступить въ другую бездну челоувѣческаго заблужденія, въ лѣсную дебрь, которую нужно порубить, которая, конечно, затемнила юность заблужденія, принявши сѣмена еувѣрій. Но Варронъ и римскихъ боговъ раздѣлилъ на три рода: на боговъ извѣстныхъ, неизвѣстныхъ и избранныхъ. Какая пустота! Зачѣмъ римлянамъ нужны были неизвѣстные боги, если они имѣли извѣстныхъ? А можетъ быть они пожелали принять аэнивскую глупость. Ибо у аэниянъ былъ храмъ съ надписью: *невыданнымъ богамъ*. Но кто почитаетъ того, котораго не знаетъ? Если тогда они имѣли извѣстныхъ боговъ, то должны были быть довольны ими и не должны были желать избранныхъ. И здѣсь они изобличаются въ нерелигіозности. Ибо если они избираютъ боговъ, какъ луковицы, то тѣхъ, которыхъ они не избираютъ, объявляютъ негодными. А мы раздѣляемъ боговъ римскихъ на два рода: на боговъ общихъ и частныхъ, то есть, на такихъ, которыхъ они имѣютъ вмѣстѣ со всѣми другими народами, и на такихъ, которыхъ они сами изобрѣли. И неужели они назывались общественными богами и пришлыми? Ибо этому учатъ жертвенники пришлыхъ при храмѣ Карны и общественныхъ на Палаціумѣ. Поелику общіе боги находятся среди физическихъ и мионическихъ боговъ, то о нихъ уже сказано. Говоря о частныхъ богахъ, о римскихъ, мы изумляемся этому третьему роду непріятельскихъ боговъ, потому что никакой другой народъ не принялъ ихъ столько, сколько приняли они. Всѣхъ остальныхъ боговъ мы раздѣляемъ на два вида: одни взяты изъ людей, а другіе придуманы иначе.

Итакъ, послѣку обоготворяють мертвыхъ будто за заслуги ихъ при жизни, то мы покажемъ, что они не заслужили этого. Повѣрили, что Эней былъ любящимъ отцемъ, что онъ никогда не стремился къ воинской славѣ, что былъ изувѣченъ камнемъ. Насколько орудіе это вульгарно и свойственно собакамъ, настолько и рана неславна. Но Эней оказывается измѣнникомъ отечеству. Опъ таковъ же, какъ и Антеноръ. И если хотѣть истины, то пусть знаютъ, что Эней покинулъ соотечественниковъ своихъ, когда пылало отечество его, что его нужно ставить ниже кароагенской женщины, которая не пошла за мужемъ Аструбаломъ, покорившимся непріятелю, не подумала, взявъ дѣтей, сохранить бѣгствомъ свою красоту и свое потомство, но легла въ огонь пылающаго Кароагена, какъ въ объятія погибающаго оскѣнца. Эней благочестивъ ли потому, что онъ взялъ съ собою единственнаго сына своего и престарѣлаго отца, когда онъ покинулъ Иріама и Астанакта? Но римляне должны скорѣе проклипать его, такъ какъ они ради благосостоянія императоровъ и ихъ семействъ попали въ вредъ своимъ дѣтямъ, женамъ и всему тому, что для нихъ дорого. Боготворять сына Венеры, и Вулканъ, зная это, терпитъ, и Юнона позволяетъ. Если сыновья достигаютъ неба за почтеніе къ родителямъ, то не скорѣе ли должно считать богами юношей аривскихъ за то, что они, вопреки обычаю, запрягшись въ колесницу паромъ, привезли мать, чтобы она принесла примпрительную жертву. Почему не скорѣе богиня—та дочь отца, умирающаго отъ голода въ тѣнищахъ, ко орая питала его своими сосцами, такъ какъ сна показала большую любовь? Что другого славнаго принадлежитъ Энею, развѣ то, что его нигдѣ не видно въ сраженіи лаврентинскомъ. Равнымъ образомъ и Ромулъ сдѣлался богомъ послѣ смерти. Если онъ сдѣлался богомъ потому, что основалъ городъ, то почему же и другіе основатели городовъ до женщинъ включительно не дѣлались богами? Да, Ромулъ и брата умертвилъ, и похитилъ чужихъ двѣицъ хитростію. Потому онъ богъ, потому онъ Квиринь, что благодаря ему родители подняли тогда крикъ. Чѣмъ Стеркузинъ заслужилъ божество? Если Стеркузинъ, любя поля, уваживалъ ихъ, то Авгей еще болѣе собралъ навозу. Если Фавръ, сынъ Пика, тронутый умомъ, поступалъ

противъ права, то его должно было скорѣе лечить, чѣмъ боготворить? Если дочь Фавна отличалась такимъ цѣломудріемъ, что даже не жила вмѣстѣ съ мужчинами или по дикости, или по сознанию безобразія, или стыдѣя отцовскаго сумашествія, то насколько достойнѣе ея добрая Деа Пенелопа, которая сумѣла сохранить свое цѣломудріе, находясь среди столькихъ презрѣннѣйшихъ друзей? И Сакнтъ получалъ napiише отъ царя Плотія за гостепріимство. И Уликсъ могъ доставить вамъ еще одного бога отъ гуманнѣйшаго Алціноя.

10. Слѣшу къ болѣе гнусному. Вашимъ писателямъ не стыдно было рассказывать о Ларентинѣ. Это была публичная женщина или тогда, когда кормила Ромула, и называлась Iура потому, что была блудница, или когда была любовницею Геркулеса, и уже умершаго, то есть, уже бога. Ибо рассказываютъ, что смотритель храма его, играя одинъ въ храмѣ въ камушки, чтобы представить себѣ игрока, котораго не имѣлъ, вступалъ въ игру одною рукою отъ имени Геркулеса, а другою отъ собственнаго лица съ тѣмъ, что если самъ выиграетъ, то возьметъ изъ жертвъ Геркулеса ужинъ и блудницу, а если Геркулесъ выиграетъ, то есть, другая рука, то предложитъ тоже Геркулесу. Рука Геркулеса выиграла, и это можно причислить къ его двѣнадцати подвигамъ. Смотритель храма даетъ Геркулесу обѣдъ, приводитъ блудницу Ларентину. Огнь, который означаетъ тѣло самаго Геркулеса, обѣдаетъ и истребляетъ все на жертвенникѣ. Ларентина въ храмѣ спитъ одна: женщина тотчасъ послѣ своднической игры мучится тѣмъ, что она пострадала во снѣ отъ Геркулеса, и она могла во снѣ пострадать, созерцая духомъ къ ней, идущей изъ храма рано утромъ, устремляется одинъ юноша, Таруцій, другой, какъ говорятъ, Геркулесъ, и приглашаетъ къ себѣ. Она повинуется думая, что ей послужить въ пользу то, что сказалъ Геркулесъ, конечно, старается соединиться законнымъ бракомъ (ибо имѣть дѣло безнаказанно съ блудницею богу не позволительно); супругъ также производитъ наслѣдницу. Потомъ не задолго до смерти она завѣщала народу римскому то довольно обширное поле, которое приобрѣла при помощи Геркулеса. Этихъ божественная Ларентина приобрѣла божество и дочерямъ своимъ, которыхъ она должна была сдѣлать своими

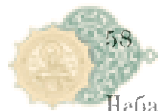
наслѣдницами. Она увеличила боговъ римскихъ заслугами его. Изъ столь многихъ женъ Геркулеса, конечно, она одна только дорога, ибо она одна только богата, и гораздо счастливѣе Цереры, которая по-правилась умершему. При такихъ примѣрахъ и при такихъ жъ заніяхъ всего народа кто не могъ быть признанъ богомъ? Кто вообще оспаривалъ божество у Антиноя? Ганимедъ былъ ли прелестнѣе его или дороже его любовнику? У васъ мертвецамъ открыто небо, вы всюду по дорогѣ отъ преисподней къ звѣздамъ гоните ихъ. Туда восходятъ блудницы, чтобы не думали вы, что вы ставите своихъ императоровъ много выше.

11. Римляне, не довольствуясь тѣмъ, что признали богами такихъ, которыхъ прежде видѣли, слышали и осязали, изображенія которыхъ нарисованы, дѣянія рассказаны, память о которыхъ распространена, требуютъ какихъ то безтѣлесныхъ и бездушныхъ тѣней и названій отъ вещей и признають ихъ богами, поручая всякое состояніе человѣка отдѣльнымъ божествамъ съ самаго зачатія во чревѣ. Такъ, есть какой то богъ Консевій, который охраняетъ супружескія совокупленія; есть богиня Фмовіонія, которая питаетъ младенца во чревѣ; потомъ Витумъ и Септинъ, при помощи которыхъ младенецъ начинаегъ жить и чувствовать; загѣмъ Діеспитеръ, который доводитъ беременную до рожденія. При рожденіи присутствуютъ и Канделифера, потому что рождали при свѣтѣ свѣчи, и тѣ другія богини, которыя получили свое названіе отъ тѣхъ или другихъ услугъ при рожденіи. Римляне полагали, что при рожденіи рожденному неправильно помогала Ностверта, а правильно рожденному Проза Кармента. Названъ былъ богомъ и Фаринъ *ab effatu* и Локуцій *a loquendo*. Кунина оберегаетъ дитя отъ худого глаза и убаюкиваетъ его. И Левапа и Рунпина вмѣстѣ воспитываютъ. Удивительно, что боги не озаботились объ очищеніи мерзостей дѣтей. Потомъ Нотина и Едула научають въ первый разъ употреблять питье и пищу, а Статина учить дитя стоять, Адеона—приходить, Абеона—уходить. У римлянъ есть и Домидука и Мента, которая учить одинаково добру и злу. Есть также боги желаній: Волюмъ и Волета. Они имѣють и Павентину, богиню страха, и Венилю, богиню надежды, и Волюпію, богиню удоволь-

ствія, и Престину, богиню превосходства, и Перагенори отъ движенія, и Конса отъ совѣта. Ювента—богиня юношей, надѣвающихъ тогу, .. Фортупа Барбата—богиня мужчинъ. Если говорить о свадебныхъ богтахъ, то у нихъ есть Афференда отъ принсенія приданого. О слѣдѣ! у нихъ измышлены и Мутунъ, и Тутунъ, и богиня Пертунда, и Субигъ; и Према mater. Боги безстыдные! ужъ щадите. Никто не бываетъ при брачномъ ложѣ. Сами брачующіеся красѣются, радуясь на ложахъ.

12. Такъ какъ должно разсуждать о томъ, какихъ боговъ вы приняли, то зачѣмъ разсуждать такъ много объ этихъ богтахъ? Сколь много вамъ должно стыдиться? Совершенно не знаю, смѣяться ли мнѣ надъ пустотою, или порицать глупость. Ибо сколькихъ боговъ и какихъ притомъ мнѣ должно представить? Большихъ ли и малыхъ? Древнихъ ли и новыхъ? Мужескихъ ли и женескихъ? Холостыхъ ли и женатыхъ? Знающихъ ли искусства и не знающихъ? Деревенскихъ ли и градскихъ? Отечественныхъ ли и чужеземныхъ? Ибо столько семействъ, столько родовъ вопрошаютъ о своемъ происхожденіи, что нельзя ихъ разсмотрѣть, раздѣлить, описать. Но чѣмъ болѣе широкъ предметъ, тѣмъ болѣе намъ нужно сузить его, и потому, намѣреваясь показать, что всѣ ваши боги—люди (не потому, что вы не знаете этого, но чтобы напомнить вамъ, ибо вы какъ будто забыли), мы для краткости будемъ говорить только о родоначальникѣ ихъ. Ибо природа родоначальника несомнѣнно принадлежитъ всѣмъ потомкамъ его. Боги ваши, я полагаю, происходятъ отъ Сатурна. Ибо хотя Варронъ называетъ самыми древними богами Юпитера, Юнону и Минерву, однако намъ не должно отступать отъ того мнѣнія, что великій отецъ старше дѣтей. Поэтому Сатурнъ старше Юпитера, а Небо старше Сатурна: вѣдь Сатурнъ произошелъ отъ Неба и Земли. Однако я не буду говорить о происхожденіи Неба и Земли. Отчего они долго были не женатыми и бездѣтными, прежде чѣмъ сдѣлались супругами и родителями? Конечно, долго было имъ расти до такой зрѣлости. Наконецъ лишь только голосъ у Неба началъ измѣняться и сосцы Земли твердѣть, они вступаютъ въ бракъ. Думаю, или Небо сошло къ невѣстѣ, или Земля возшла къ жениху. Однако Земля зачала отъ

Неба и родила *Θεοτ ἀνέως* Сатурна, достойного удивленія. Онъ не былъ похожъ ни на кого изъ родителей. Но пусть она родила. Но крайней мѣрѣ до Сатурна никого они не произвели на свѣтъ и никого послѣ, кромѣ одной только Опы. Отсюда уже произошло потомство. Ибо Сатурнъ дѣйствительно оскотилъ спящее Небо. Мы Небо считаемъ мужескимъ родомъ. Ибо какъ отецъ, если не мужчина? Но чѣмъ должно было оскотить? У него былъ серпъ. Въ то время? Вѣдь тогда еще не было Вулкана, изобрѣтателя желѣзныхъ орудій. Земля же овдовѣвшая не думала выдти замужъ, хотя была молодѣ, другія выходить замужъ. Но она не имѣла другого Неба. Однако что же? Быть можетъ Море любить ее? Но въ немъ вода солона, а она привыкла къ простымъ водамъ. Итакъ Сатурнъ единственный мужчина Неба и Земли. Но самъ онъ, достигши совершеннѣйшаго, вступаетъ въ бракъ съ своею сестрою. Тогда еще не было законовъ, воспрепятствующихъ кровосмѣшенію и наказывающихъ отцеубійство. Потомъ онъ пожралъ своихъ сыновей: лучше самому пожрать ихъ, чѣмъ волкамъ, еслибы онъ выбросилъ ихъ. Конечно, онъ боялся, чтобы кто нибудь изъ нихъ не узналъ объ отцовскомъ серпѣ. Тотчасъ послѣ рожденія Юпитера и удаленія его онъ проглотилъ камень вмѣсто ребенка. Долго находясь въ спокойствіи, благодаря этому хитрому обману, онъ наконецъ подвергся нападенію и лишенію царства сыномъ, котораго не проглотилъ и который выросъ въ неувѣдомости. Этому патрарха боговъ родили вамъ Небо и Земля при помощи повитухъ поэтовъ. Но нѣкоторые тонко, физически, посредствомъ аллегорій объясняютъ Сатурна, а именно: Сатурнъ есть время, Небо и Земля его родители,, такъ какъ они ни отъ кого не происходятъ; серпомъ онъ снабженъ потому, что во времени все уничтожается; дѣлей онъ пожираетъ потому, что все, изшедшее отъ него, онъ уничтожаетъ въ себѣ самомъ. Это подтверждаютъ и самыя имена: *Κρυός* названъ погречески вмѣсто *Χρύος*. Равнымъ образомъ причину латинскаго имени производятъ отъ сѣянія тѣ, которые думаютъ, что онъ творецъ, что чрезъ него нисходятъ сѣмена небесныя на землю. Опу присоединяютъ къ нему какъ потому, что сѣмена приносятъ богатство (*орей*) жизни, такъ и потому, что они появляются вслѣдствіе труда (*ореге*). Прому

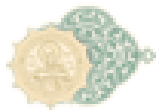

объяснить это аллегорическое толкованіе. Патриархъ вашихъ боговъ былъ или Сатурнъ или время. Если время, то какимъ образомъ Сатурнъ? Если Сатурнъ, то какимъ образомъ время? Ибо ты не можешь думать, что въ немъ то и другое находится дѣйствительно (congruе). Что же помѣшало почитать время въ его собственномъ существѣ? Что же помѣшало почитать человѣка или басню о человѣкѣ въ его же собственномъ образѣ, а не въ образѣ времени? Чего хочетъ такое толкованіе, развѣ только того, чтобы гнусный предметъ подкрасить ложными объясненіями? Ты не желаешь, чтобы Сатурнъ былъ временемъ, потому что называешь его человѣкомъ, или не желаешь, чтобы онъ былъ человѣкъ, потому что считаешь его временемъ. Несомнѣнно, что вашъ богъ Сатурнъ у древнихъ писателей представляется человѣкомъ, когда былъ на землѣ. Безѣлеснымъ можетъ быть представлено все, то что не существуетъ, но отнюдь не то, что существуетъ. Когда же извѣстно, что Сатурнъ жилъ, то напрасно вы понимаете его аллегорически. Вамъ не дозволигательно понимать его такъ, потому что вы не будете отрицать, что тотъ былъ человѣкъ, котораго нельзя считать ни богомъ, ни временемъ. Въ вашей литературѣ безпрестанно говорится о происхожденіи Сатурна. Мы читали объ этомъ у Кассія Севера, у Корнеліевъ Непота и Тацита, также у грековъ Діодора и другихъ, которые занимались изученіемъ древностей. Ибо вещественныхъ памятниковъ нѣтъ нигдѣ болѣе достовѣрныхъ, какъ въ Италіи. Ибо послѣ странствованія по многимъ странамъ и Атикѣ онъ поселился въ Италіи, или, какъ она тогда называлась, въ Энотріи, будучи принятъ Янусомъ, или Яномъ, какъ сами его называютъ. Гора, на которой онъ поселился, названа Сатурнійскою; городъ, который онъ основалъ, существуетъ и доселѣ подъ именемъ Сатурніи. Наконецъ, вся Италія имѣла названіе отъ Сатурна. Хотя о происхожденіи Сатурна возникаетъ сомнѣніе, такъ какъ объ этомъ свидѣлствуетъ такая страна, которая господствуетъ надъ міромъ; однако изъ дѣйствій его видно, что онъ былъ человѣкъ. Итакъ, если Сатурнъ человѣкъ, то, конечно, не Богъ. Если онъ человѣкъ, то, конечно, произошелъ не отъ Неба и Земли. Но такъ какъ родители его нѣкоторымъ были не извѣстны, то они легко могли па-

звать его сыномъ тѣхъ, дѣтьми которыхъ всѣ могутъ считаться. Ибо кто не называетъ небо и землю отцемъ и матерью изъ почтенія? Развѣ не въ обычаѣ человѣческому говорить о тѣхъ неизбѣтныхъ, которые являются вдругъ, что они пришли съ неба? Поэтому, такъ какъ чужестранецъ явился внезапно, то вездѣ стали называть его небеснымъ. Ибо и мы представляемъ народу людей неизвѣснаго происхожденія сынами земли. Я умалчиваю о томъ, что тогда люди были невѣжественны и грубы, и потому легко могли принять неизвѣснаго имъ челоуѣка за Бога. Еще останавлиюсь на Сатурнѣ, чтобы для прочихъ боговъ приготовить краткую рѣчь, сдѣлавъ достаточное разсужденіе о родоначальникѣ, и чтобы не опустить важныхъ свидѣтельствъ божественнаго писанія, къ которому должно быть полнѣйшее довѣріе въ силу его древности. Ибо Сивилла существовала прежде всякой литературы, именно та Сивилла, которая была истинною предсказательницею истины, слова которой вы влагаете въ уста пророковъ—демоновъ. Она шестистопнымъ стихомъ такъ говоритъ о поколѣніи Сатурна и его приключеніяхъ: *въ десятое поколѣніе рода челоуѣческаго послѣ того, какъ былъ потопъ, царствовали Сатурнъ, Титанъ и Янетъ, храбрѣйшіе сыновья Неба и Земли*. Итакъ, если у васъ есть сколько нибудь довѣрія къ своему божественнѣйшему и древнѣйшему писанію, то уже достаточно этого, чтобы видѣть, что Сатурнъ и его потомки были люди. Мы не будемъ говорить отдѣльно о каждомъ вашемъ богѣ, ограничиваясь для краткости доводомъ прескрипціею. Натура потомковъ видна изъ природы предковъ: смертное происходитъ отъ смертнаго, земное—отъ земного. Потомки рождаются для того, чтобы въ свою очередь произвести потомковъ. Происходятъ свадьбы, зачатія, дни рожденія. Извѣстны отчества, резиденціи, царства, монументы. Итакъ тѣ, которые не могутъ отрицать рожденія боговъ, должны признать ихъ людьми, не должны считать ихъ богами.

13. Но, говорятъ, сила ихъ явно присутствуетъ въ нихъ. Тѣхъ, о которыхъ не могутъ утверждать, что они отъ начала были чѣмъ либо другимъ, кромѣ людей, принимаютъ въ число боговъ, утверждая, что они послѣ смерти сдѣлались богами. Такъ думаетъ Варронъ и

его единомышленники. Поэтому я держу рѣчь и противъ этого мнѣнія. Если ваши боги избраны въ сонмъ боговъ, какъ бы въ сословіе сенаторовъ, то необходимо вамъ, какъ людямъ мыслящимъ, допустить, что существуетъ какой либо высочайшій Владыка, имѣющій силу избирать боговъ, и какъ бы императоръ. Никто не можетъ даровать другимъ то, надъ чѣмъ самъ не господствуетъ. Но если они могли сами сдѣлать себя богами послѣ смерти, то почему они пожелали сначала имѣть низшую природу? Или если нѣтъ никого, кто бы творилъ боговъ, то почему говорятъ, что сдѣлались богами тѣ, которыхъ могъ сдѣлать только другой? Итакъ нѣтъ у васъ никакого основанія отвергать то, что есть какой то владѣтель (majors) божества. Поэтому мы рассмотримъ причины избранія людей въ боговъ. Полагаю, что вы укажете двѣ причины. Ибо тотъ, кто это раздаетъ, дѣлаетъ это или для того, чтобы имѣть или помощниковъ, или зажиточниковъ, или украсителей своего величія, или для того, чтобы воздать каждому сообразно его заслугамъ. Иной какой либо причины нельзя и представить. Великій, награждая кого либо, дѣлаетъ это или для себя, или для того, кого награждаетъ. Но первая причина не можетъ идти къ Богу, если въ Немъ находится такая сила, что Онъ можетъ дѣлать боговъ; къ тому же Ему усвоится такая человѣчность, будто Онъ нуждается въ трудѣ и помощи другихъ и при томъ мертвыхъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что Богъ съ самаго начала бытія могъ бы сотворить Себѣ безсмертныхъ боговъ. И не будетъ огыскивать еще доказательства на это тѣмъ, кто приписалъ божественному человѣческое. Но должно обратить больше вниманія на второе мнѣніе, по которому будто Богъ даровалъ людямъ божество за ихъ заслуги. Но если дѣйствительно за это даровано божество имъ, если, то есть, небо открыто древнимъ мужамъ за заслуги ихъ; то нужно сказать, что за это никто изъ нихъ не былъ удостоенъ этой чести, развѣ только какое другое мѣсто не могло принять ихъ. Конечно, быть можетъ такими привилегіями древніе заслужили небо. Итакъ, будемъ разсуждать о томъ, заслужили ли они его на самомъ дѣлѣ. Кто говоритъ, что они заслужили, тотъ предполагаетъ заслуги ихъ. Если только въ первобытное время проступки могли пріобрѣтать божество, то вы се-

вершенно справедливо приняли въ число боговъ кровосмѣшниковъ сестру и брата, Олу и Сатурна. Украденный младенецъ Юпитеръ не былъ достоинъ крови и сосцовъ человѣческихъ и, подрастая на Критѣ, по заслугамъ претерпѣвалъ великія бѣдствія. Наконецъ, достигши совершеннолѣтія, Юпитеръ свергаетъ съ престола собственнаго счастливѣйшаго отца, царя золотого вѣка, въ правленіе котораго не знали ни труда, ни бѣдности, наслаждаясь полнѣйшимъ миромъ, и тогда никто не обрабатывалъ полей, а земли все производила, не нуждаясь ни въ чьей помощи. Но онъ возненавидѣлъ отца за то, что онъ былъ кровосмѣшникъ, за то, что онъ хотѣлъ его съѣсть, и за то, что онъ оскотилъ его дѣда. А вотъ и самъ онъ совокупляется съ сестрою, такъ что я думаю, что къ нему первому относится слѣдующее изреченіе: *sed patris tui pater*. Въ сынѣ благочестія столько же, сколько и въ отцѣ. Если бы и тогда управлялись справедливыми законами, то Юпитера должно было бы раздѣлить на два мѣшка. Послѣ того какъ Юпитеръ утвердился въ кровосмѣшеніи, могъ ли онъ задумываться надъ совершеніемъ всякаго другого рода прелюбодѣянія? Поэзія шутила надъ нимъ такъ, какъ почти ни надъ кѣмъ, когда, напримѣръ, объявила его бѣглецомъ. И мы, обыкновенно, продаемъ его грудь чужому покупателю, то изображая его расточительнымъ, такъ какъ онъ уплатилъ быка или стоимость быка и послалъ на распутные дома золотой дождь, то есть, открылъ къ нимъ доступъ лентами, то изображая его въ образѣ орла, который похищалъ, въ образѣ лебедя, который пѣлъ. Эти басни не составлены ли на посылдѣйшихъ мерзостяхъ и на величайшихъ преступленіяхъ? Или, можетъ быть, гнусные поступки и вымыслы человѣческіе у нихъ не считаются развратными? Какимъ образомъ демоны, потомство злыхъ ангеловъ, давно уже появившіеся, старались отвратить ихъ отъ вѣры путемъ невѣрія и подобныхъ басней, объ этомъ говорить здѣсь странно намъ не должно. Ибо если народъ, сдерживаемый и императорами, и пачальниками, и учителями, былъ не таковъ въ этомъ отношеніи, то въ другихъ отношеніяхъ авторитетъ ихъ требовалъ подражанія. Насколько хуже ихъ тотъ, который не лучше? Вы Юпитера Optimum называете просто Юпитеромъ, лишивъ его почетнаго

прозванія. У Виргилія онъ называется *aeas iupiter*. Поэтому всѣ боги ваши кровосемѣники по отношенію къ своимъ, безстыдны по отношенію къ чужимъ, нечестивы, несправедливы. Кого мнѣ сильно не опозорилъ, тотъ не могъ сдѣлаться богомъ.

14. Но такъ какъ они отдѣльно представляютъ другихъ боговъ, принятыхъ изъ людей въ сонмъ боговъ, такъ какъ у нихъ раздѣляются боги на рожденныхъ и сотворенныхъ по Діонисію Стенку, то я скажу и объ этомъ видѣ ихъ. Разсужденіе наше будетъ касаться главнымъ образомъ Геркулеса: достоинъ ли онъ неба и божества? Они присуждаютъ божество, конечно, заслужившимъ его по доброй волѣ. Если ему дано божество за храбрость, такъ какъ постоянно побѣждалъ звѣрей, то что въ этомъ удивительнаго? Невольные и добровольные гладиаторы не вступаютъ ли въ бои даже съ учеными звѣрями и не поразжаютъ ли ихъ? Если онъ достигъ божества за странствованіе по свѣту, то сколькихъ богачей заставила странствовать пріятная свобода, а философовъ—униженная бѣдность? Не помнятъ ли они, что пинникъ Аскленіадъ осматрѣлъ весь свѣтъ на единственной коровѣ, которая возила его на спанѣ и которая иногда питала его сосцами? Если Геркулесъ сходилъ даже въ адъ, то кому неизвѣстно, что путь туда открытъ всѣмъ? Если вы обоготворили его за очень многія убійства и сраженія, то гораздо болѣе совершилъ убійствъ и сраженій великій Номей, побѣдившій морскихъ разбойниковъ, которые не оставили цѣлою самую Остію. И сколько тысячъ людей было истреблено даже противъ одного угла Бирзы Карфагенской Сципіономъ? За это должно включить въ число боговъ скорѣе Сципіона, чѣмъ Геркулеса. Присоедините скорѣе къ славнымъ подвигамъ Геркулесовымъ растлѣвія дѣвъ, оклеверненія женъ, омфальскія поязки и позорно покинутаю войну аргонавтовъ изъ-за потери красиваго отрока. Присоедините къ славѣ послѣ гнуснаго безславія также безумства его; почитайте тѣ стрѣлы, которыя умертвили сыновей и жену. Кто тогда достойнѣе осудилъ себя на костеръ вслѣдствіе раскаянія въ отцеубійствѣ? Кто, напoенный ядомъ за невѣрность женѣ, болѣе заслужилъ того, чтобы умереть позорною смертію? Его вы съ костра подняли на небо такъ же легко, какъ и другого,

убитаго божественнымъ огнемъ, который (другой), научившись нѣсколько медицинѣ, воскрешать мертвыхъ. Этотъ сынъ Юпитера, чело-вѣкъ и внукъ Юпитера, правнукъ Сатурна (или скорѣе спурій, ибо отецъ его не извѣстенъ: онъ, по свидѣтельству аргосскаго Сократа, безъ сомнѣнія выброшенный былъ найденъ и вскормленъ позорнѣе Юпитера—собачьими есцами), по заслугамъ былъ умерщвленъ мот-нею, чего никто не можетъ отрицать. Здѣсь Юпитеръ Optimus снова золъ, жестокъ къ врачу, завистливъ къ врачу. Но Пиндаръ не скрылъ вины Эскулапа: онъ наказанъ былъ за корыстолюбіе и жад-ность къ приобрѣтенію, благодаря чему онъ умерщвлялъ живыхъ, не воскрешалъ мертвыхъ, злоупотребляя продажною медициною. Гово-рять, что и мать его погибла по той же причинѣ, и по заслугамъ, такъ какъ она родила столь гибельнаго для міра звѣря; и говорить также, что будіо они взошли на небо по тѣмъ же дѣйствицамъ. Но однако обвиняе должны знать, что они приносятъ жертвы такимъ богамъ: ибо они Эскулапу и матери его приносятъ жертвы между мертвыми въ честь своихъ родителей. Какъ будіо сами они не бого-творять своего Тезея, дѣйствительно бога. Отчего и не боготворить, если онъ покинулъ свою благодѣлельницу на чужомъ берегу по при-чинѣ того же забвенія или даже безумія, которое причинило смерть его отцу?

15. Долго было бы говорить и о тѣхъ богахъ, которыхъ вы скрыли въ звѣздахъ и которыхъ дерзко доставляете небу. Я думаю, что и Касторы, и Персеи, и Ериена заслуживаютъ удаленія съ неба такъ же, какъ и возросшій Юпитеръ. Но чему особенно должно удивляться? Вы перенесли на небо даже и собакъ, и спорионовъ, и раковъ. Я не сравниваю съ этими богами тѣхъ, которые, какъ вы полагаете, предсказываютъ будущее посредствомъ оракуловъ: въ этомъ они имѣютъ доказательство божественности. Что? Вы думаете, что есть боги такіе, во власти которыхъ находится печаль, такъ, напри-мѣръ, есть Видуи, который огдѣляетъ душу отъ тѣла, котораго вы не позволяете заключать въ стѣны; есть также Цекулъ, который от-нимаетъ у глазъ ощущеніе; есть Орбона, которая лишаетъ погостства, и есть наконецъ богиня самой смерти. Опуская прочее, скажу, что,

по вашему мнѣнію, есть боги и мѣста города или боги—мѣста: и Янъ отецъ, и богиня Яна для аркъ, и богъ семи горъ—Сентемонцій. Одни изъ этихъ боговъ имѣютъ жертвенники и храмы въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, другіе—въ чужихъ мѣстахъ и на чужія средства. Я умалчиваю объ Асценсѣ, получившемъ свое названіе отъ восхожденія (a scansione), о Кливиколѣ, получившемъ свое имя отъ холма (a clivis). Умалчиваю также о богахъ Форкулѣ, называющемся отъ дверей (a foribus), о Кардѣ, называющемся отъ крюковъ (a cardinibus), о Лиментинѣ, называющемся отъ пороговъ (a liminibus), или о другихъ, которымъ съсѣди ваши поклоняются подъ именемъ боговъ придверниковъ. Ибо что тутъ важнаго, когда вы имѣете своихъ боговъ въ публичныхъ домахъ, кухняхъ и темницъ? Итакъ этими безчисленными, собственно римскими богами, которымъ раздѣляются officia всей жизни, наполняется небо, такъ что уже нѣтъ нужды въ прочихъ богахъ. Но такъ какъ у римлянъ *privatim* почитаются тѣ боги, о которыхъ мы выше сказали, и такъ какъ они не легко узнаются сторонними, то какимъ образомъ все то, что по ихъ мнѣнію, они (боги) защищаютъ, преусушествуетъ во всякомъ человеческомъ родѣ и во всякомъ народѣ, когда *praedes* ихъ лишены не только почести, но даже самого знанія.

16. Но, говорятъ, нѣкоторые боги открыли плоды и то, что необходимо для жизни. Спрашиваю васъ, когда вы говорите, что они нашли, то не заявляете ли этимъ открыто, что то, что они нашли, существовало раньше? Итакъ, почему вы не почитаете Творца этихъ даровъ, но вмѣсто Него почитаете тѣхъ, которые нашли ихъ? Прежде чѣмъ кто либо нашелъ, конечно, благодарилъ Виповника, конечно, чувствовалъ, что Тотъ есть Богъ, которому поистинѣ принадлежитъ дѣло Создателя, которымъ созданъ и самъ тотъ, который нашелъ, и то самое, что найдено. Никто въ Римѣ не зналъ зеленой африканской фиги, пока Катонъ не принесъ ее въ сенатъ, чтобы выжать изъ ней сокъ, такъ какъ та провинція была уже враждебна, о покореніи которой онъ всегда настаивалъ. Гней Помпей первый привезъ вишню изъ Понта въ Италію. Нашедшіе новыя яблоки могли заслужить у римлянъ въ благодарность божество. Все это такъ же несостоятельно,

какъ и то, что божеская природа приобретається за изобрѣтеніе искусствъ. Если сравнить художниковъ современныхъ съ художниками древними, то скорѣе должно было бы обоготворять первыхъ, чѣмъ послѣднихъ. Спрашиваю всѣхъ: не во всѣхъ ли искусствахъ древность устарѣла, такъ какъ ежедневно повсюду появляются новыя произведенія ихъ? И поэтому тѣхъ, кого боготворятъ за искусства, оскорбляете въ самыхъ искусствахъ и вызываете ихъ на состязаніе къ непобѣдимымъ соперникамъ.

17. Наконецъ, вы не отказываете хранителямъ вашей религіи во всѣхъ тѣхъ, кого древность признала богами, а потомство увѣровало. Поэтому намъ остается древнѣйшее римское религіозное суевѣріе, съ которымъ мы имѣемъ вступить въ преніе, воюя противъ васъ, язычники. Говорятъ, что римляне сдѣлались владыками и правителями всего міра потому, что были необыкновенно религіозны. Конечно, міровое господство даровали имъ и Сатурнъ, и Мутунъ, и Ларентина. Римскій народъ одинъ былъ избранъ своими богами къ господству. Ибо я не могу и подумать, чтобы чужіе боги пожелали сдѣлать это скорѣе чужому народу, чѣмъ своему, чтобы они пренебрегли, оставили и измѣнили той странѣ, гдѣ родились, воспитались, прославились и погребены. Поэтому даже Юпитеръ не позволялъ бы римскому оружію завоевать свой Крѣпъ, забывши и свою идейскую пещеру, и коринѣнскія мѣдныя тарелки, и пріятнѣйшій запахъ своей кормилицы. Не предпочелъ ли бы онъ всякому Капитолію свою могилу, чтобы скорѣе господствовала та страна, которая сокрыла его прахъ? Неужели Юнона пожелала бы, чтобы сожженъ былъ Кароагенъ, который она любила и который она предпочла Самосу, и притомъ потомками Энея? Что я знаю? *Здѣсь было ея оружіе, здѣсь была ея колесница, уже тогда боиня заботится и покровительствуетъ тому, чтобы народъ имѣлъ это царство, если какъ нибудь судьба дозволитъ.* Несчастная не имѣла силы противиться судьбѣ! И однако римляне судьбѣ, отдавшей въ руки ихъ Кароагенъ, не воздавали столько чести, сколько они воздавали Ларентинѣ. Но царская власть не должна зависть отъ вашихъ боговъ. Ибо Юпитеръ царствовалъ на Крѣпѣ, Сатурнъ—въ Италіи, Нзида—въ Египтѣ, и люди царствовали